

КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

*доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук
E-mail: Kirillsol22@yandex.ru*

Статья посвящена неформальным механизмам взаимодействия законодательной исполнительной власти в 1906–1914 гг. Речь идет о складывавшихся личных связях представителей правительства, Государственной думы и Государственного совета, следствием которых стало формирование принципиально новой процедуры принятия законодательных решений. В итоге сфера компетенции представительных учреждений неуклонно расширялась и с очевидностью выходила за правовые рамки, установленные Основными государственными законами 23 апреля 1906 г.

Ключевые слова: Государственная дума, Государственный совет, Совет министров, взаимодействие ветвей власти, неформальные практики.

За «чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906–1914 гг.: неформальные практики

Политическая история России начала XX в. нередко представляется бескомпромиссным столкновением действовавшей власти и вечно оппозиционной общественности. История этой борьбы может описываться по-разному, в зависимости от симпатий исследователя. Однако в любом случае речь идет о монохромной картине, знающей лишь оттенки черного. Силуэт прошлого приобретал более сложные очертания лишь благодаря политическим партиям, представлявшим альтернативные проекты преобразования России¹. Их лидеры наряду с высокопоставленными чиновниками и оказывались главными героями статей и монографий. Их публичная полемика определяла основное содержание научных исследований. Так описывалась политическая жизнь начала XX в. даже ее современниками, которые чаще всего говорили словами газетных репортажей².

При этом за рамками журналистского отчета оставались частные встречи министров и депутатов, их взаимные обязательства и договоренности, аргументы, которые они выставляли друг другу в защиту собственных инициатив — иными словами, неформальные механизмы взаимодействия исполнительной и законодательной власти. Этот аспект законотворческого процесса тем более важен, что грань, отделявшая бюрократию от общественности, была весьма условной. Их объединяло многое, что не находило отражение в законодательстве и иногда оставалось тайной для обывателей.

Например, их связывали родственные узы, чаще всего более прочные, чем партийные. Один из основателей «Союза 17 октября» А.А. Столыпин — брат премьер-министра. Другой лидер октябристов, депутат III и IV Государственной думы А.Ф. Мейендорф был двоюродным братом главы правительства³. Министр народного просвещения Л.А. Кассо находился в родственных отношениях с могущественным семейством Крупенских, задававшим тон во фракции националистов,

а затем в Партии центра⁴. Кроме того, Кассо был университетским приятелем члена Государственного совета И.Х. Озерова⁵. Друзья юности товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского (В.И. Вернадский, А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской) входили в руководство партии кадетов⁶.

П.А. Столыпин поддерживал тесные контакты с депутатами Думы и членами Государственного совета. У него были старые товарищеские отношения с членом Государственного совета гр. Д.А. Олсуфьевым⁷. А.И. Гучкова он знал с 27 апреля 1906 г., когда впервые встретился с ним на квартире брата А.А. Столыпина⁸. Впоследствии, в годы работы III Думы, они общались по несколько раз в день, если не лично, то по телефону⁹. Порой Гучков приводил к Столыпину депутатов своей фракции, которые могли сообщить премьеру все, что думали по тому или иному вопросу. Так, 12 июня 1908 г. А.И. Гучков и П.В. Каменский обсуждали с главой правительства угрозу возникновения металлургической монополии в России¹⁰.

В «компаньоны» к Столыпину напрашивались и другие депутаты: например, гр. А.А. Уваров, который пытался взять на себя роль главного глашатая воли премьер-министра среди октябристов. Регулярно встречаясь со Столыпиным, он сообщал ему о настроениях во фракции, разговорах среди депутатов. Это вызывало законное раздражение руководства «Союза 17 октября», что, в конце концов, и привело в 1909 г. к дуэли Уварова с Гучковым¹¹. Сам Уваров был убежден, что дуэль была инспирирована самим премьером. Именно по этой причине он отказался стрелять в своего оппонента, желая продемонстрировать моральную несостоятельность как Гучкова, так и его высокопоставленного союзника¹².

Нередко навещал премьера и националист П.Н. Крупенский, который, по словам Я.В. Глинки, «чуть ли не ежеминутно сообщал правительству о всем, что делается в Думе, и о настроениях партий и отдельных членов»¹³. Причем он поддерживал такого рода отношения и со Столыпиным, и с Коковцовым, и с Горемыкиным. Согласно воспоминаниям П.П. Менделеева, «Горемыкин весьма к нему благоволил, так как этот опытный правительственный соглядатай привозил ему всегда самые животрепещущие новости»¹⁴.

Тесные контакты со Столыпиным поддерживали депутаты гр. В.А. Бобринский¹⁵, М.В. Родзянко¹⁶. Председатель финансовой комиссии Государственного совета П.М. Романов регулярно информировал главу правительства о ходе бюджетных работ верхней палаты¹⁷. Более того, премьер-министр был готов к диалогу и с представителями оппозиции. «Доступность» Столыпина их порой поражала. Так, 1 марта 1907 г. в 11 часов утра член фракции кадетов О.Я. Пергамент послал телеграмму премьеру с просьбой принять его. Уже в 2 часа дня он получил ответ Столыпина: председатель Совета министров был готов принять депутата через два часа, т. е. в четыре вечера¹⁸.

Весной 1907 г. государственного контролера П.Х. Шванебаха «коробила та бесцеремонность, с которой всякие Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина к телефону»¹⁹. Как раз тогда, в период работы II Думы, премьер не раз встречался с депутатом П.Б. Струве²⁰. Согласно конспекту последнего, они

обсуждали самый широкий круг вопросов, даже не относившихся к сфере компетенции нижней палаты²¹.

Столыпин периодически приглашал к себе наиболее влиятельных депутатов. Во время таких встреч за чашкой чая и должны были сниматься разногласия между чиновниками и народными представителями. В конце ноября 1908 г. премьер организовал неформальное совещание лидеров думского большинства и товарищей министра внутренних дел — С.Е. Крыжановского и А.И. Лыкошина. На этой встрече обсуждался вопрос о предстоящем рассмотрении Думой аграрного законодательства. Стороны пришли к компромиссу: Министерство внутренних дел обещало не возражать против октябристских поправок, а думское большинство во главе с «Союзом 17 октября» — проголосовать за правительственный законопроект. Октябристы постановили, что все противники указа 9 ноября 1906 г. из числа их фракции могли лишь воздержаться при баллотировке²². В октябре 1909 г., с открытием новой сессии Думы, Столыпин провел целый ряд встреч с депутатами (с П.Н. Балашевым, А.И. Гучковым, П.В. Каменским, А.А. Уваровым), убеждая их в неизменности своего курса²³. 5 декабря 1909 г. премьер устроил совещание об отпуске кредитов на Владивосток. В нем приняли участие и министры, и депутаты Думы²⁴. Аналогичное заседание было проведено 27 мая 1910 г. На нем обсуждались проблемы Черноморского флота²⁵. Столыпин не раз встречался с представителями комиссии по местному самоуправлению в связи с прохождением в нижней палате законопроекта о волостном земстве. Характерно, что одно из таких собраний началось в 11 вечера и продолжалось до 3 часов ночи²⁶. По словам В.А. Маклакова, осенью 1910 г. как раз «за чаем» у премьер-министра представители думского большинства дали согласие на прохождение законопроекта о местном суде²⁷. Порой такие собрания были весьма многолюдными. Так, 12 декабря 1909 г. у Столыпина собрались 30 депутатов Думы и 30 членов Государственного совета²⁸.

Время от времени Столыпин организовывал так называемые «рауты», на которые приглашались министры, члены Думы, Государственного совета, представители посольского корпуса. «Принимал он (Столыпин — К.С.) с истинно русским радушием. Представители различных лагерей объединялись у столов, заставленных обильным угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов. В этой полуофициальной обстановке и я успел ближе сойтись со многими членами Думы, что потом очень помогало в деловой работе», — вспоминал губернатор И.Ф. Кошко²⁹. 23 февраля 1909 г. П.А. Столыпин дал «раут» совместно с министром иностранных дел А.П. Извольским. На него были приглашены представители думского большинства, которых убеждали не поднимать на пленарном заседании нижней палаты вопросов о внешней политике России³⁰. Впоследствии «рауты» устраивал и В.Н. Коковцов³¹, и И.Л. Горемыкин³². Приемы организовывали и «рядовые» министры: например, Л.А. Кассо³³, В.К. Саблер³⁴.

Депутаты и члены правительства регулярно встречались в Таврическом дворце сразу же после пленарных заседаний. Столыпин специально задерживался в зале общего собрания, дабы члены нижней палаты могли обратиться к нему с вопросами³⁵.

Личные контакты депутатов с главой правительства не пресеклись со смертью Столыпина. Некоторые члены Думы, Государственного совета часто заходили и к новому премьер-министру. Со многими представителями верхней палаты Коковцов связывали товарищеские отношения, которые завязались в бытность его статс-секретарем Государственного совета. В верхней палате заседали и бывшие сотрудники Коковцова по Министерству финансов: А.П. Никольский, М.Д. Дмитриев и др.³⁶ Регулярно с премьером встречался член фракции октябристов Н.П. Шубинский³⁷. Он информировал главу правительства о настроениях депутатов и даже пересказывал секретные сведения, которые узнавал в президиуме Думы³⁸. По словам Коковцова, именно его личные контакты с председателем бюджетной комиссии Думы М.М. Алексеенко обеспечили прохождение кредитов на морскую программу³⁹.

На квартире премьер-министра нередко устраивались совещания с участием депутатов. Так, в ноябре 1911 г. Коковцов принял делегацию думских крестьян. Он беседовал с ними о перспективах волостного земства в России⁴⁰. 19 ноября 1911 г. глава правительства пригласил к себе депутатов разных фракций и убеждал их снизить планировавшиеся расходы по народному образованию. Лишь в этом случае законопроект о всеобщем начальном обучении прошел бы в Государственном совете⁴¹. Депутаты и премьер долго искали взаимовыгодное решение, которое могло бы удовлетворить и верхнюю, и нижнюю палаты, и правительство⁴². Большинство совещающихся согласилось отказаться от намечавшихся регулярных прибавок учителям начальных школ⁴³. Кроме того, стороны договорились особо выделить расходы на церковные школы и подготовить в этой связи специальный законопроект⁴⁴. «Совещание кончилось, — записал в дневнике член фракции октябристов И.С. Ключев. — Хозяин попросил нас в столовую выпить по рюмочке, пока, сказал он, еще не прошел окончательно законопроект о борьбе с пьянством. Мы заняли места. Коковцов любезно угостил и, между прочим, предложил Алексеенко яблоко. «Но оно слишком велико для вечернего заседания на сон грядущий», — заметил тот. «В таком случае разделим его пополам, Михаил Мартынович [Алексеенко], и скушаем сообща, — сказал он [Коковцов] с каким-то особенным ударением на слове «сообща»»⁴⁵. Спустя 10 дней, депутаты покаялись в своей уступчивости и потребовали уступок от главы правительства⁴⁶. Премьер согласился выделить дополнительные 500 тыс. руб. на увеличение фиксированной суммы роста расходов на образование (до 9 млн)⁴⁷. Так в кабинете премьер-министра рождались многие законы. По словам Коковцова, и Малая судостроительная программа была принята в 1912 г. в результате долгих частных переговоров правительства с депутатами⁴⁸.

И Горемыкин не отказывался от диалога с народными избранниками. Вскоре после своего назначения, 19 февраля 1914 г., он уже вел переговоры с председателем нижней палаты М.В. Родзянко. Новый премьер, между прочим, высказал желание встретиться с председателями думских комиссий и докладчиками по важнейшим законопроектам. Несколько дней спустя Горемыкин принял лидеров земцев-октябристов и обсудил с ними возможность формирования думского большинства⁴⁹.

Премьер не исключал возможности встречи и с представителями оппозиции⁵⁰.

Не только главе правительства, но и «рядовым» министрам приходилось чутко прислушиваться к голосу народных избранников. Показательно, что руководители ведомств сперва принимали депутатов и лишь затем своих высокопоставленных подчиненных⁵¹.

Министр иностранных дел А.П. Извольский поддерживал тесные отношения с депутатским корпусом, демонстрируя открытость внешнеполитического ведомства и готовность к диалогу с представительными учреждениями. Осенью 1908 г. по его просьбе товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков информировал членов Думы о положении на Ближнем Востоке⁵². 11 декабря 1908 г., накануне своего выступления в Государственной думе, Извольский встретился с представителями думского большинства и обсудил с ними основные положения готовившейся речи⁵³.

Эту линию продолжил С.Д. Сазонов. Он периодически собирал депутатов «на чашку чая» и давал подробные разъяснения политического курса Министерства, несмотря на всю неподготовленность членов нижней палаты к столь обстоятельному разговору. 4 декабря 1912 г., в самом начале работы IV Думы, он принял группу националистов и долго беседовал с ними о работе ведомства⁵⁴. Такая встреча выпадала из общего ряда. Обычно Сазонов приглашал к себе представителей всех фракций, не делая исключения для оппозиции (помимо крайних левых). Это возмущало правых и националистов, которые даже подумывали отказаться от участия в этих совещаниях⁵⁵. По словам Н.Н. Львова, во время одной из таких бесед 22 марта 1913 г., «за исключением Милоюкова, все задававшие министру вопросы напоминали светских дам, говорящих на серьезные темы. Однако всех перешеголял наш председатель (М.В. Родзянко — К.С.). Он вдруг задал такой вопрос: «А нельзя ли нам теперь проливы хапнуть?» Сазонов посмотрел на председателя так, как смотрят в обществе на человека, громко рыгнувшего»⁵⁶. В марте 1913 г. министр пригласил на встречу лидеров фракции правых: Г.Г. Замысловского, Н.Е. Маркова, А.Н. Хвостова. Им он пытался объяснить политику России на Балканах. 26 марта 1913 г. Г.А. Шечков писал, что доводы министра сыграли свою роль и депутаты вернулись с этой беседы «вполне побежденные»⁵⁷. В те же дни Сазонов обсуждал внешнеполитический курс России и с октябристом А.И. Звегинцевым⁵⁸. Тогда же он встречался и с правыми членами Государственного совета, которые однако остались непреклонными в своем неприятии министерской политики⁵⁹. Сам Сазонов нередко приходил в верхнюю палату, где в частных беседах давал весьма откровенные комментарии относительно внешнеполитического положения России⁶⁰. Характерно, что даже оппозиция высоко оценивала работу Министерства иностранных дел. 10 мая 1914 г. П.Н. Милоюков, выступая о смете внешнеполитического ведомства, назвал его «единственным европейским» в стране, прислушивающимся как к общественному мнению, так и к пожеланиям депутатов Государственной думы⁶¹.

И военный министр А.Ф. Редигер был готов к диалогу с представительной властью. 8 декабря 1907 г. он принимал делегацию думской комиссии по

государственной обороне. Министр подробно изложил депутатам свое видение политики ведомства по личному составу и материальной части. Затем помощник министра А.А. Поливанов доложил о распределении расходов на нужды армии. Депутаты предложили руководству Министерства подготовить законопроект об увеличении содержания офицерского состава. Также они высказались в пользу радикального сокращения расходов на флот с учетом нехватки средств на сухопутную армию и «анархии» в морском ведомстве. Судя по всему, эти суждения нашли понимание у министра и его помощника⁶². Установившиеся в тот день контакты думского большинства и руководства Министерства не порывались и в дальнейшем. Пользуясь этим, лидеры октябристов пытались вмешиваться в различные сферы управления Министерством. В конце 1908 г. А.И. Гучков даже убеждал Редигера изменить руководящий состав ведомства (об этом он говорил и П.А. Столыпину)⁶³. Министр же предоставлял Гучкову сведения об обороноспособности страны, жаловался на Совет по государственной обороне, где тон задавали великие князья, не слишком компетентные в военном деле и фактически ни перед кем не отвечавшие за свои решения. По словам лидера октябристов, это и подвигло его к выступлению в Думе, в котором он подверг жесточайшей критике всю организацию военного дела в России, в том числе и безответственность его руководителей⁶⁴.

У депутатов и министров складывались личные отношения, выходящие за рамки официальных. 22 ноября 1910 г. октябрист И.С. Ключев консультировался с министром народного просвещения Л.А. Кассо о своем будущем выступлении в Думе⁶⁵. А.И. Савенко, поддерживая доверительные отношения с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, ставил перед ним волновавшие фракцию националистов вопросы: например, об украинофильстве и о профессорах-«мазепинцах» Киевского университета⁶⁶. В ноябре 1915 г. обер-прокурор Св. Синода А.Н. Волжин просил депутата А.Г. Лелюхина проконсультировать его о предстоящем заседании бюджетной комиссии, выступления в которой Волжин чрезвычайно опасался⁶⁷.

Благодаря таким личным связям, министры, не ставя в известность премьера и кабинет, в целом, выстраивали свои отношения с Думой. Так, у министра путей сообщения С.В. Рухлова были тесные контакты с руководством фракции октябристов⁶⁸. По словам его предшественника Н.К. Шауфуса, Рухлов даже определял состав Министерства в соответствии с пожеланиями думского большинства⁶⁹. При этом сам глава ведомства относил себя к националистам и согласовывал с этой фракцией многие из своих решений⁷⁰. Согласно воспоминаниям Коковцова, именно Рухлов стоял за инициативой думских правых и националистов выкупить Киево-Воронежскую железную дорогу. Сам он не мог выступить с этим предложением, так как опасался резких возражений со стороны главы правительства⁷¹.

В противостоянии с коллегами по Совету министров руководители ведомств искали союзника в лице депутатов. Даже нелюбимый в Думе министр народного просвещения А.Н. Шварц находил поддержку в нижней палате в его конфликте с министром финансов В.Н. Коковцовым в вопросе о размере средств особого фонда на строительство школ⁷². Однако в 1910 г. сам Шварц подозревал в сговоре В.Н. Коковцова и М.М. Алексеенко, препятствовавших прохождению в нижней палате

законопроектов его Министерства⁷³. В годы работы III Думы министр иностранных дел С.Д. Сазонов, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев получали сведения об обороноспособности страны не в военном ведомстве, а в думской комиссии по государственной обороне⁷⁴.

Депутаты, пользуясь многочисленными личными связями, могли оказывать влияние на кадровую политику министерств и, в целом, правительства. Еще в марте 1907 г. член группы правых и умеренных П.Н. Крупенский вел переговоры с П.А. Столыпиным о назначении Л.А. Кассо министром народного просвещения⁷⁵. В июне 1914 г. полтавский вице-губернатор Я.Г. Гололобов обратился к лидеру думских правых Н.Е. Маркову с просьбой содействовать его повышению по службе. По мысли Гололобова, министр внутренних дел Н.А. Маклаков обязательно последовал бы рекомендации Маркова⁷⁶. В июле 1915 г. саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов просил депутата Н.П. Шубинского способствовать его переводу в Тверь⁷⁷. О Шубинском ходили слухи (подтверждавшиеся ближайшими сотрудниками министра юстиции), что он мог оказывать существенное влияние на назначения по судебному ведомству⁷⁸. По словам К.Д. Кафафова, Шубинский, обладая очевидным авторитетом в глазах И.Г. Щегловитова, мог провести «кого угодно и на какую угодно должность»⁷⁹.

Депутаты не ограничивали свои знакомства министрами. Они поддерживали отношения пускай не со столь высокопоставленными, но все же весьма влиятельными чиновниками, которые могли и не ставить свое начальство в известность об этих контактах. Показательно, что в период работы II Думы товарищ министра народного просвещения О.П. Герасимов снабжал кадетов материалами для критики правительственных законопроектов по народному образованию⁸⁰. Тогда же председатель чрезмерно радикальной нижней палаты кадет Ф.А. Головин регулярно обедал с представителями высшей бюрократии (например, с товарищем министра торговли и промышленности М.А. Остроградским или же с товарищем министра юстиции Н.Д. Чаплиным)⁸¹. В начале 1913 г. установились дружеские отношения между депутатом-октябристом Б.И. Каразиным и товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием гр. П.Н. Игнатьевым, что подкреплялось их общей неприязнью политики Коковцова⁸². В IV Думе докладчик комиссии путей сообщения А.А. Бубликов имел прочные связи в соответствующем Министерстве⁸³. Благодаря таким контактам, иногда удавалось добиваться значимого результата. Так, в 1909 г. члены экономической группы Государственного совета С.С. Бехтеев, В.И. Карпов и А.Н. Наумов убедили управляющего Государственного банка С.И. Тимашева выделить дополнительные средства (а именно 8 млн руб.) на финансирование кредитных товариществ⁸⁴. 27 апреля 1913 г. товарищ министра народного просвещения М.А. Таубе по личной просьбе И.С. Ключева восстановил в должности одного самарского учителя. Это было сделано в преддверии выступления Таубе в Думе, где ему важно было произвести на депутатов благоприятное впечатление⁸⁵.

Среди всех товарищей министров в нижней палате чаще всего вспоминали фамилию помощника военного министра Поливанова. У Гучкова были с ним

товарищеские отношения. По словам Н.Н. Любавина, лидер октябристов «благодаря Поливанову получил необычайное влияние в военном ведомстве. Ему все показывают, с ним советуются при назначении людей на места»⁸⁶. Впрочем, такие контакты были выгодны не только Гучкову, который щедро делился с Поливановым имевшейся у него информацией. Он сообщал помощнику министра сведения, которые приходили к нему с окраин империи (например, с Кавказа)⁸⁷. 13 марта 1908 г. депутаты А.И. Гучков и А.И. Звегинцев приехали к Поливанову сообщить список вопросов, интересовавших бюджетную комиссию. Они с неизбежностью должны были возникнуть на ее заседании⁸⁸. Гучков регулярно информировал Поливанова о ходе законотворческих работ⁸⁹. 16 февраля 1912 г. помощник министра вел переговоры с октябристами о чрезвычайных кредитах военному ведомству. В этой связи Гучков обещал переговорить со «всемогущим» М.М. Алексеенко и тем самым обеспечить решение, благоприятное для Министерства⁹⁰. Поливанов поддерживал связь и с другими членами фракции октябристов, например, с Н.В. Савичем⁹¹. Эти отношения сохранились и после отставки Поливанова в 1912 г. Уже будучи членом Государственного совета, он снабжал депутатов сведениями о состоянии военного ведомства, предлагал вынести на обсуждение Думы тот или иной вопрос. Сам он этого сделать не мог, не рискуя своим положением назначенного члена Госсовета⁹².

Поливанова хорошо знали и в других фракциях. В марте 1907 г. он по просьбе генерала Е.В. Богдановича принял В.М. Пуришкевича, который нуждался в консультации: депутату предстояло выступать от имени правых об отмене военно-полевых судов⁹³. 6 февраля 1908 г. Поливанов посетил П.Н. Крупенского. На его квартире собрались многие члены комиссии по государственной обороне (10 человек). Поливанов сообщил им, как в последнее время изменилась организация военного дела, как принимаются наиболее важные решения. Также он высказался в пользу неотложности кредита в 31 млн руб.⁹⁴ Новая встреча состоялась уже 12 февраля: на ней присутствовали 15 депутатов⁹⁵. К Поливанову приходили и по частным вопросам. Так, 9 мая 1909 г. он беседовал с националистом В.В. Шульгиным о смягчении наказания одного отставного поручика⁹⁶, а 6 апреля 1912 г. — с товарищем председателя Думы националистом кн. В.М. Волконским о направлениях железнодорожного строительства⁹⁷.

У чинов военного и морского министерств сложились прочные связи с думской комиссией по государственной обороне и лично с А.И. Гучковым. С ним поддерживали неформальные отношения представители офицерского корпуса и даже генералитета (например, М.В. Алексеев и Н.И. Иванов), которые информировали Думу о состоянии вооруженных сил России⁹⁸. Гучков вспоминал, что как-то к нему приехал даже начальник штаба одного из военных округов, который жаловался на состояние военного дела в стране⁹⁹. Лидер октябристов получал информацию от военных агентов в Берлине А.А. Михельсона и в Вене М.И. Занкевича¹⁰⁰. Офицеры Генерального штаба сообщали Гучкову подчас секретную информацию об оборонноспособности страны. На его имя регулярно приходили прошения за подписями сотен офицеров. И на флоте господствовали схожие настроения. 18 января 1909 г.

Гучков писал жене из Греции: «В Пирее застал две наши канонирские лодки: «Кореец» и «Гиляк», направленные было во Владивосток. Офицеры, узнав о моем приезде, позвали меня к себе. Сегодняшний вечер... я проведу у них». В тот день он получил разнообразную информацию о состоянии флота, рассчитывая с ее помощью «нанести удар» по Совету по государственной обороне и его председателю вел. кн. Николаю Николаевичу¹⁰¹.

Благодаря такого рода связям возникали неформальные объединения, которые позволяли депутатам получать необходимые сведения, а их негласным информаторам — оказывать влияние на ход дел в стране. Эту роль играла комиссия при Военном министерстве по составлению «Истории русско-японской войны». В нее входили офицеры Генерального штаба. Возглавлял комиссию генерал В.И. Гурко. Ее члены и депутаты (обычно человек 5—6 с каждой стороны) регулярно собирались на квартирах П.Н. Балашова, В.И. Гурко или А.И. Гучкова. Обсуждались различные аспекты ожидавшейся военной реформы. Причем офицеры находили экспертов по каждому вопросу, которые обладали всеми соответствующими техническими знаниями. Во время таких встреч редактировались законы, поступавшие из военного ведомства, разрабатывались возможные думские инициативы¹⁰², анализировались недостатки курса действующего министра. Во многом благодаря этим беседам Гучков обладал самыми широкими сведениями о состоянии обороноспособности страны, зачастую не подлежавшими огласке. В его распоряжении были даже секретные приказы военного министра, что, в конце концов, стало поводом к отставке А.А. Поливанова с поста помощника военного министра¹⁰³.

Гучков имел хороших знакомых и в Министерстве иностранных дел. Он регулярно получал копии донесений В. Святковского из Австро-Венгрии¹⁰⁴. 19 мая 1908 г. к А.И. Гучкову заехал новый посол России в Персии Н.А. Малевич-Малевский. Он предложил лидеру октябристов секретно высылать материалы для «Голоса Москвы»¹⁰⁵.

Депутаты самых разных политических убеждений проводили многие часы в петербургских канцеляриях. В конце марта 1907 г. член фракции кадетов А.А. Кизеветтер поехал на прием к товарищу министра внутренних дел. Однако встретиться с ним не удалось. В приемной только и были депутаты — преимущественно оппозиционных групп: кадеты, социал-демократы, эсеры¹⁰⁶.

В дневниковой записи И.С. Ключева от 4 февраля 1911 г. так описывались каждодневные заботы члена нижней палаты: «Очень много отнимает времени исполнения разного рода чужих поручений и ходатайств, начиная от самых важных, как, например, содействие к избавлению от смертной казни и каторги, и кончая просьбой ускорить получение ордена или чина действительного статского советника. И по каждому такому важному или неважному делу приходится один-два или даже несколько раз ездить в то или другое министерство, написать несколько писем, достать справки и т. д. и т. п. По некоторым уже серьезным делам, где замешана жандармская полиция или военные власти..., приходилось хлопотать больше года, затратить массу времени и денег и, наконец, получить желаемое»¹⁰⁷. 24 ноября 1911 г. Ключев целый день провел в министерствах. Он ездил наводить

справки по разным делам и практически всюду неудачно. Он не заставал глав ведомств и приходилось объясняться с их секретарями. Исключением стал лишь министр путей сообщения С.В. Рухлов¹⁰⁸. В тот же день Ключев побывал у главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, который пообещал содействовать учреждению Политехнического института в Самаре¹⁰⁹. Прежде депутат встречался по этому поводу с покойным П.А. Столыпиным¹¹⁰. И в дальнейшем, весной 1912 г., эта тема не была закрыта. Ключев продолжал вести переговоры о политехникуме с Кривошеиным и его товарищем П.Н. Игнатьевым¹¹¹. Об этом были все его мысли. И в первый же день работы IV Думы он не тратил время зря. Ключев подошел к министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву в очередной раз поговорить о Политехническом институте. Затем он обсудил с товарищем министра народного просвещения М.А. Таубе вопрос об организации женского педагогического института¹¹².

На посещение ведомственных канцелярий времени уходило очень много. Член фракции прогрессистов А.П. Мельгунов 1 мая 1913 г. писал гр. П.П. Толстому, что большую часть своего времени он проводил в министерствах, где в итоге добивался решений, необходимых для уфимского земства¹¹³. Ключев шел в Министерство народного просвещения с «грудой» справок и ходатайств. Ему нужно было зайти во все департаменты и их отделы. Везде его знали и встречали очень любезно, были готовы во всем помочь¹¹⁴. Директора департаментов доверительно общались с депутатом, рассказывали ему новости, жаловались на руководство ведомства¹¹⁵. Ключев ложился спать в 4 утра, вставал в 10 утра. Целый день проводил в Думе или в разъездах, и лишь ночью оставалось время заниматься законотворческой деятельностью¹¹⁶.

У правительства было много аргументов в разговоре с депутатом, обуреваемым тщеславием и честолюбием. Так, октябрист Е.П. Ковалевский страстно желал получить высокий чин. Он лично просил министра народного просвещения А.Н. Шварца произвести его в действительные статские советники. На это Шварц не без ехидства заметил, что «чины и ордена — удел нашего брата, чиновников, а для члена законодательной палаты, стоящего гораздо выше самих министров, эта побрякушка может послужить только к умалению его достоинства». Тем не менее Ковалевский не утратил надежды и обратился к министру юстиции И.Г. Щегловитову, с которым дружил, когда еще был почетным мировым судьей. В итоге мечте депутата суждено было сбыться¹¹⁷. Но ради этого пришлось немало потрудиться: не зря Ковалевский на заседаниях комиссии по народному образованию старался проводить точку зрения, соответствовавшую видам правительства¹¹⁸. По свидетельству С.П. Белецкого, член фракции октябристов А.Д. Протопопов заметно поправел, когда в 1909 г. по инициативе П.А. Столыпина получил чин действительного статского советника¹¹⁹. На этом честолюбивые мечты депутата не останавливались. Он думал оказаться в правительстве хотя бы в должности директора канцелярии министра внутренних дел¹²⁰. Осенью 1915 г. Протопопов уже помышлял о должности товарища министра торговли и промышленности. Он даже собирал на своей квартире чинов этого министерства и спрашивал, не ходят ли слухи о его

возможном скором назначении¹²¹. На карьерное продвижение рассчитывали и менее известные народные избранники. В письме от 19 октября 1916 г. депутат Г.В. Викторов просил одного из лидеров так называемых «балашевцев» В.Г. Ветчинина посодействовать его назначению членом Совета министра внутренних дел или старшим чиновником особых поручений III класса при председателе Совета министров или, в крайнем случае, чиновником особых поручений при министре внутренних дел. «Вашу рекомендацию оправдаю, — писал Викторов. — В деле новых думских выборов буду очень полезен правительству и самому делу»¹²². Мечты подчас оборачивались разочарованием. По словам А.Н. Наумова, председатель фракции центра В.Н. Львов видел себя в придворном мундире. Он всякий раз добивался личной встречи с императором, желая лишний раз напомнить о себе. Однако столь ожидаемая аудиенция не дала результатов. В итоге Львов переменил свои политические убеждения и все более склонялся в пользу оппозиции¹²³.

Правительство неустанно заботилось о благосостоянии некоторых депутатов и их родственников. В частности, оно поддерживало коммерческие предприятия П.П. Мигулина в расчете на благодарность его тестя — председателя бюджетной комиссии М.М. Алексеенко. «При этом отнюдь не имелось в виду насиловать совесть или убеждения М[ихаила] М[артыновича], для этого его слишком уважают. Но хотели иметь прочную гарантию, что он «свой» и что на него можно полагаться как на каменную гору»¹²⁴. Примечательно, что Мигулин порой даже вел переговоры с министрами от имени своего влиятельного родственника¹²⁵. По словам И.Х. Озерова, зять Алексеенко, пользуясь своим счастливым родством, в итоге «сколотил» себе большое состояние¹²⁶. Однако не только Мигулин пользовался преимуществами депутатского положения. Кадет В.А. Маклаков получил от главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина мелноративный кредит в 10 тыс. руб. для оборудования железобетонной мельничной плотины в подмосковном имении¹²⁷. В декабре 1908 г. кадет, присяжный поверенный М.С. Аджемов просил министра финансов В.Н. Коковцова выдать значительную ссуду по делам его доверителя¹²⁸.

Некоторые члены Думы и Государственного совета регулярно получали дотации от правительства. В годы премьерства П.А. Столыпина депутат А.С. Вязигин получил от Министерства внутренних дел 40–50 тыс. руб. на издание журнала «Мирный труд», Н.Е. Марков на поддержание газеты «Земщина» — по 12 тыс. руб. в месяц¹²⁹. В.М. Пуришкевич получал субсидии на публикацию «Книги русской скорби» и журнала «Прямой путь»¹³⁰. В 1913 г. 40 тыс. руб. было выделено депутату гр. В.А. Бобринскому на издание газеты «Галичская Русь», 15 тыс. — члену фракции националистов В.Г. Ветчинину, 4000 руб. — В.М. Пуришкевичу. В 1914 г. те же 40 тыс. получил В.А. Бобринский, 31 тыс. — В.М. Пуришкевич, 5 тыс. — Г.Г. Замысловский, 3 тыс. — член Государственного совета А.Д. Самарин¹³¹. По сведениям С.П. Белецкого, Замысловский получал значительные суммы из средств, предназначенных для финансирования выборов¹³². Совет министров выделял деньги и депутату III Думы Н.К. Гюббенету¹³³. Член Государственного совета В.Н. Ознобишин получал правительственные субсидии на издание

газеты «Волга»¹³⁴. По словам С.Е. Крыжановского, целый ряд депутатов III Думы был на фактическом содержании правительства¹³⁵. Отказывать же в субсидиях часто было небезопасно. По сведениям С.И. Шидловского, интриги члена Государственного совета С.Ю. Витте против Коковцова во второй половине 1913 г. объяснялись явным нежеланием действующего премьера выдать бывшему кредит в 400 тыс. руб.¹³⁶

* * *

За десятилетие совместной работы представительных учреждений и высшей бюрократии постепенно складывались личные отношения, симпатии и антипатии, возникали взаимные обязательства, а законодательные учреждения все более интегрировались в политическую систему Российской империи, вовлекая в нее и группы интересов, непосредственно связанные с депутатским корпусом. Депутаты охотно участвовали в межведомственной борьбе, принимая сторону того или другого министра. В свою очередь, правительственным чиновником приходилось терпеть вмешательство народных избранников в дела министерства. Более того, члены Думы, Государственного совета приглашались премьером или министрами на неформальные совещания, где предreshалась судьба многих важных правительственных инициатив. Иными словами, формировалась принципиально новая процедура принятия законов, явно «выпадавшая» из действовавших правовых норм. Причем на такого рода собраниях порой вставал вопрос о делах армии и флота, о внешней политике страны, что не входило в сферу компетенции представительных учреждений.

Пользуясь связями среди бюрократии, периодически апеллируя к общественному мнению и значимым корпоративным интересам, депутаты обретали многочисленные каналы влияния на правительство. Впрочем, и министры не сидели сложа руки. Они «работали» с наиболее влиятельными депутатами, рассчитывая сыграть на их слабостях. При этом ситуация осложнялась тем, что главы ведомств часто не координировали свои усилия, ведя собственную игру.

В рамках складывавшейся политической системы не всегда было ясно, кто инициатор того или иного решения: правительство, отдельный министр, депутат или фракция, так как многочисленные, иногда почти невидимые «нити» связывали представительную власть с бюрократическими сферами.

¹ *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. М., 2006. С. 42–43, 47–62; *Томпсинский С.Г.* Борьба партий и классов в Первой Государственной думе. Ростов н/Д., 1924. С. 72–75; *Фурман И.Г.* Первая Государственная дума: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 1950. С. 27; *Аврех А.Я.* 1) III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909 гг.) // Исторические записки. М., 1955. № 53. С. 61–107; 2) Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 83–85, 149–152, 280–284; 3) Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 66–71, 157–160, 243–248; Кризис самодержавия в России, 1894–1917. Л., 1984. С. 456–464, 472; *Дякин В.С.* 1) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.

Л., 1978. С. 142–163; 2) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 94–113, 201–212.

² *Локоть Т.В.* 1) Первая Дума. М., 1906; 2) Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. М., 1907; Винавер М.М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907; *Изгоев А.С.* Партии во Второй Государственной думе. СПб., 1907.

³ *Николаев А.Б.* Мейендорф Александр Феликсович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 367.

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 620.

⁵ *Озеров И.Х.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁶ *Кузьмина И.В., Лубков А.В.* Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 29–30; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2010. С. 260.

⁷ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 52, 56, 62, 70, 119, 212.

⁸ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С.М. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 45–46.

⁹ *Савич Н.В.* Воспоминания / Общ. ред. и вст. ст. Н.Н. Рутыча; биогр. справоч. А.В. Терещука. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 84.

¹⁰ Письма А.И. Гучкова жене // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1670. Ч. 2. Л. 90.

¹¹ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 84–87.

¹² Письмо А.Н. Наумова В.И. Гурко 25 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 403. Л. 40.

¹³ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вст. ст., подг. текст., биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 49.

¹⁴ *Менделеев П.П.* Воспоминания // ГА РФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 72.

¹⁵ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

¹⁶ Там же. Л. 21 об.

¹⁷ [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 344.

¹⁸ *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 118.

¹⁹ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 110.

²⁰ П.А. Столыпин: Переписка. С. 153.

²¹ Там же. С. 154.

²² Около Думы // Русские ведомости. 1908. 26 ноября.

²³ Русские ведомости. 1909. 20 октября.

²⁴ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного

министра и его помощника, 1907–1916 гг. М., 1924. С. 88.

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг.: в 2-х т. М., 2000. Т. 2. С. 410.

²⁷ Маклаков В.А. III сессия Государственной думы: Отчет депутата // Русская мысль. 1911. №2. С. 102.

²⁸ Около Думы // Русские ведомости. 1909. 6 декабря.

²⁹ П.А. Столыпин глазами современников. С. 83–84.

³⁰ Около Думы // Русские ведомости. 1909. 24 февраля.

³¹ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 818.

³² Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1869–1917: в 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 279; Речь. 1915. 25 января.

³³ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 38 об.

³⁴ Письма П.П. Извольского жене // РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 175. ЛЛ. 169, 173.

³⁵ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 66.

³⁶ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919 гг.: в 2-х кн. М., 1992. Кн. 1. С. 279–281.

³⁷ Там же. Кн. 2. С. 12.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 60–61.

⁴⁰ Речь. 1911. 29 ноября.

⁴¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

⁴² Там же. ЛЛ. 63–69.

⁴³ Там же. ЛЛ. 66–67.

⁴⁴ Там же. Л. 68 об.

⁴⁵ Там же. Л. 69.

⁴⁶ Коковцов В.Н. Указ.соч. Л. 79 об.

⁴⁷ Там же. Л. 81.

⁴⁸ Всеподданнейшие доклады В.Н. Коковцова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 653. Л. 17.

⁴⁹ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 22–23.

⁵⁰ Кризис самодержавия в России, 1894–1917. Л., 1984. С. 531.

⁵¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 24об.

⁵² Камаровский Л.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 95. Л. 93.

⁵³ Около Думы // Русские ведомости. 1908. 12 декабря.

⁵⁴ Письмо А.И. Савенко Н.К. Савенко 5 декабря 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 585. Л. 2964.

⁵⁵ Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5–6.

⁵⁶ Письмо Г.А. Алексеева А.С. Алексееву 24 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 599.

- ⁵⁷ Там же. Л. 597.
- ⁵⁸ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 12. Л. 206.
- ⁵⁹ Письмо Г.А. Шечкова Л.А. Тихомирову 24 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 673.
- ⁶⁰ Наумов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 278.
- ⁶¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия II. СПб., 1914. Ч. 4. Стб. 348.
- ⁶² Поливанов А.А. Указ. соч. С. 35. По словам А.Ф. Редигера, эта встреча продолжалась два часа (*Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра*. М., 1999. Т. 2. С. 188).
- ⁶³ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 57.
- ⁶⁴ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 52–53.
- ⁶⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
- ⁶⁶ Письмо А.И. Савенко М.А. Стельмашенко 26 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 623.
- ⁶⁷ Письмо Д.А. Лелюхина М.И. Лелюхиной 24 ноября 1915 г. // Там же. Д. 1038. Л. 2058.
- ⁶⁸ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 83.
- ⁶⁹ Письмо Н.К. Шауфуса // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 369. Л. 76.
- ⁷⁰ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 16.
- ⁷¹ Там же. С. 115.
- ⁷² Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 199.
- ⁷³ Письмо А.Н. Шварца дочери // ОР РГБ. Ф. 338. К. 1. Д. 61. Л. 5.
- ⁷⁴ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 92.
- ⁷⁵ Письмо П.Н. Крупенского Л.А. Кассо 5 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 176. Л. 91.
- ⁷⁶ До этого переговоры с Н.А. Маклаковым о возможном повышении Я.Г. Гололобова вели члены Государственного совета (Письмо Я.Г. Гололобова Н.Е. Маркову 11 июня 1914 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 989. Л. 817).
- ⁷⁷ Письмо А.А. Ширинского-Шихматова Н.П. Шубинскому 24 июля 1915 г. // Там же. Д. 1026. Л. 429.
- ⁷⁸ Переписка председателя Совета министров с председателем Государственной думы // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 26; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. / Ред. П.Е. Щеголев. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 267.
- ⁷⁹ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 97.
- ⁸⁰ [Кизеветтер Е.Я.] Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 379.
- ⁸¹ Письмо Ф.А. Головина А.В. Скурдиной 23 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 185. Л. 57.
- ⁸² Письмо Б. Каразина Е.А. Каразиной 23 января 1913 г. // Там же. Д. 917.

Л.156.

⁸³ Письмо Н.Н. Щепкина А.П. Грессеру 27 февраля 1913 г. // Там же. Д. 920. Л. 422.

⁸⁴ Наумов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

⁸⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.

⁸⁶ Письмо Н. Любовина И.Н. Любовину 7 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 568. Л. 1213.

⁸⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 44–45.

⁸⁸ Поливанов А.А. Указ соч. С. 43.

⁸⁹ Там же. С. 58, 81, 97.

⁹⁰ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 818.

⁹¹ Дело по вопросу об отпуске средств на государственную оборону // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74537. ЛЛ. 270, 274.

⁹² Энгельгардт Б.А. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Д. 3. Л. 391.

⁹³ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 21.

⁹⁴ Там же С. 40.

⁹⁵ Там же. С. 41.

⁹⁶ Там же. С. 72.

⁹⁷ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 880 об.

⁹⁸ [Гучков А.И.], Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 60.

¹⁰⁰ Там же. С. 61.

¹⁰¹ Письма А.И. Гучкова жене // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1670. Ч. 2. Л. 104 б.

¹⁰² [Гучков А.И.], Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 56–57.

¹⁰³ Протоколы допросов по делу о причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 23 об.

¹⁰⁴ Письмо Ф.И. Гучкова И.В. Никанорову 5 сентября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 575. Л. 1902.

¹⁰⁵ Письмо А.И. Гучкова Ф.И. Гучкову 20 мая 1908 г. // Там же. Д. 304. Л. 92.

¹⁰⁶ [Кизеветтер Е.Я.] Указ. соч. С. 398.

¹⁰⁷ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

¹⁰⁸ Ключев И.С. Указ. соч. Л. 71.

¹⁰⁹ Там же. Л. 74 об.

¹¹⁰ Там же. Д. 8. ЛЛ. 42–44.

¹¹¹ Там же. Д. 10. Л. 10.

¹¹² Там же. Д. 11. Л. 29.

¹¹³ Письмо А. Мельгунова П.П. Толстому 1 мая 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 923. Л. 796.

¹¹⁴ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 17 об.

- ¹¹⁵ Там же. Л. 18.
¹¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 72.
¹¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 14.
¹¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 17об.
¹¹⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 252.
¹²⁰ Там же. С. 253.
¹²¹ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 17 об.
¹²² Письмо Г.В. Викторова В.Г. Ветчину 19 октября 1916 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 803.
¹²³ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 60–61.
¹²⁴ Письмо Н.П. Мигулину 23 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 569. Л. 1326.
¹²⁵ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 54.
¹²⁶ Озеров И.Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Д. 4. Л. 1.
¹²⁷ В 1916 г. в этом кредите ему отказал новый министр земледелия А.Н. Наумов (Наумов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 361).
¹²⁸ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 56.
¹²⁹ Падение царского режима. Т. 5. С. 409.
¹³⁰ Там же. С. 410.
¹³¹ Приложение к следственному делу Н.А. Маклакова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 687. ЛЛ. 19 об. – 20.
¹³² Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 380–381.
¹³³ Там же. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 55.
¹³⁴ Письмо В.Н. Ознобишина Д.А. Олсуфьеву 6 октября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 328. Л. 80.
¹³⁵ Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 112.
¹³⁶ Коковцов переадресовал эту просьбу императору, которому при личной встрече предложил сократить ассигнование до 200 тыс. руб. (Клюжев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 130).